Ленин Владимир Ильич

20.4.02

Меньше всего интересна сегодня частная жизнь Ленина: какое пиво он пил в компании единомышленников, с кем изменял некрасивой и малохозяйственной жене (всего один раз, наверное), чем болел и от чего умер. Все эти «мелочи жизни» чрезвычайно возбуждают разного рода околополитических пошляков, которые тужатся доказать, что великим людям ничто человеческое не чуждо, и что по большому счету эти люди такие же, как сами эти пошляки. Зря обманываются. Не такие...

Хотелось бы понять: в чем сила идеи, а точнее веры Ленина, веры, которая не только потрясла, но и перевернула мир, сделала его, на какое-то время, более гуманным и справедливым, уравновесила, опять же на какое-то время (период существования СССР) присущие империализму варварские тенденции и проявления?

Что давало ему решимость претворять эту веру в жизнь с изумившей весь мир энергией и волей, ломая судьбы одних людей, и одновременно возвышая других к величайшим подвигам самоотвержения?

И, наконец, почему сама идея Ленина, несмотря на все совершенные во имя нее подвиги, все-таки не завоевала мир?

Предупреждаю сразу, ответа на эти вопросы я дать не обещаю, потому как манией величия не страдаю. Ограничусь лишь некоторыми замечаниями «по поводу».

Большевистские империалисты

С геополитической точки зрения Ленину, **Троцкому** и их сподвижникам следует поставить в заслугу то, что они железной рукой предотвратили распад имперской России, которая была восстановлена в новой форме – СССР. Они избежали развала России на десятки мелких государств и их оккупации иностранными армиями, то есть того, к чему всегда стремились и сегодня стремятся определенные силы на Западе в отношениях с Россией.

Это достижение впоследствии признавали даже противники Ленина из числа вождей белого движения.

Но революция никогда не сводится к геополитическим, а уж тем более – к экономическим результатам; последних, кстати, не может быть по определению – ведь революция это, прежде всего, разрушение старого мира.

Революция обрушивает экономику, но при этом резко повышает «энергетический потенциал», пассионарность нации: этот потенциал может быть впоследствии направлен на промышленное развитие и колониальные захваты, как после Английской революции, на завоевание всей Европы, как после Великой французской революции во времена Наполеона, или на что-то иное. Говоря в терминах теоретической физики, «энергия революции» переводит нацию на более высокую «энергетическую орбиту».

«Он любит убивать и убивать зверски»

Таких «протестантов», как Лютер или Ленин (их можно вполне поставить в один ряд), в мировой истории чрезвычайно мало: они редки, а уже потому интересны. Бывая на Западе, я всегда удивлялся, что поток новых исследований о Ленине не иссякает, есть и научные труды, и публицистика, и даже романы.

Лютер и Ленин – не только революционеры, но и творцы новой веры, «обновители совести человечества», если воспользоваться определением **Альберта Эйнштейна**. Как и любые провозвестники новой религии, они тотальны, нетерпимы, порой жестоки. **Иван Грозный** не без оснований называл Лютера «Лютым», а ведь и сам не был гуманистом, отнюдь.

В 1525 году Лютер требовал расправы над восставшими крестьянами в следующих выражениях: *«Пусть каждый, в ком горит желание бить их, действует! Их надо рвать на куски, душить и резать, в открытом бою и из-за угла, как режут бешеных псов»*.

В свою очередь, Ленин в конце октября 1920 года предлагал **Склянскому** и **Дзержинскому** под видом «зеленых» организовать вторжение красного «спецназа» в белый Крым на глубину 10-20 верст за линию фронта и перевешать «кулаков, попов и помещиков». Предлагалась и премия участникам спецоперации: 100 тысяч рублей за каждого повешенного. Сохранилась записка на этот счет, написанная рукой Ленина. Когда красные вошли в Крым, пожелание вождя было исполнено в полном объеме – «контрреволюционеров» в Крыму не осталось. Эту акцию одобрил и Троцкий, который, как он сам признавал, несет вместе с Лениным политическую ответственность за красный террор и жестокости революции. Однако без этого, считает Троцкий, революция погибла бы.

Говорят, белые были гуманнее. Возможно. Но вот простой поручик и страстный любитель лошадей **Сергей Мамонтов**, прошедшей с белыми всю Гражданскую войну, вспоминает: *«Пленных приводили со всех сторон. И их расстреливали. Красные и не думали о сопротивлении, а бежали отдельными толпами и после первого залпа сдавались. Их расстреливали. А на смену вели уже другую партию»*.

Сергей Мамонтов делает грустный вывод: *«Человек – хищник и скверный хищник. Он любит убивать себе подобных и убивать зверски»*.

Все это ужасно, особенно с точки зрения мирного обывателя, который сам ни в какой войне никогда не участвовал, перед которым никогда не стояла дилемма: победить или умереть.

Но вот беда: мир еще никогда не менялся под влиянием благостной проповеди. Тот, кто отрицает революцию и людей такого склада, как Лютер или Ленин, отрицает тем самым всю человеческую историю, и не остается ничего лучшего, как посоветовать такому субъекту удалиться в монастырь, где всюду нега, сладость и духовная гармония, и нет отчаянных «еретиков», подрывающих привычные верования и устои жизни.

Могила как источник бодрости

Любая гражданская война, не только та, что началась с приходом к власти Ленина и Троцкого, есть война религиозная по своей сути, ибо только вера в нечто, лежащее за пределами нашего повседневного бытия, может вдохновить людей на такие подвиги и подвигнуть на такие жестокости, как те, что совершались в те годы.

В этом смысле Ленин, вне всякого сомнения, столь же «религиозный тип» (если воспользоваться определением **Сергея Булгакова**) как **Маркс**, он основатель нового вероучения, которое дает ответы на все вопросы жизни, включая и те, на которые может дать ответ только религия. На это, кстати, в свое время указывал «богостроитель» **Луначарский**; его Ленин не сильно ценил как теоретика, но здесь Луначарский глубоко прав.

Отсюда, кстати, религиозный культ Ленина, начавшийся еще при жизни, но сразу же после смерти принявший размеры, которого не знала новая история человечества. Приятель Ленина (друзей у него не было) и его неустойчивый политический союзник **Григорий Зиновьев**, скрывавшийся вместе с ним в шалаше в Разливе, сразу же после смерти вождя писал: *«Ильич был могуч как океан. Врагам нашим он был так же страшен, как тот суровый двадцатисемиградусный мороз, при котором мы опускали в могильный склеп его останки. И в гробу Владимир Ильич остается апостолом коммунизма, и в могиле он продолжает быть призывом и кличем для рабочего класса нашего государства и всей земли. Мы все знаем, что Ленин – это пророк нового человечества и апостол коммунизма, одно имя которого заставляет учащенно биться сердца миллионов людей»*.

Еще более характерную мысль мы находим в редакционной статье «Правды»: *«Могила-склеп Ильича будет источником энергии и мужества, источником неисчерпаемой бодрости для трудящихся всего мира в борьбе за осуществление заветов Ильича»*.

«Могила как источник бодрости» – эта штука уж точно посильнее «Фауста» **Гете**...

Вашим, товарищ, сердцем и именем!

«Большая у меня просьба, – писала **Надежда Крупская**, *– не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память – всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много нищеты, неустроенности в нашей стране»*.

Против обожествления Ленина выступил его самый яркий и талантливый сподвижник Лев Троцкий. *«Отношение к Ленину, как к революционному вождю,* – писал он, *– было подменено отношением к нему как главе церковной иерархии... Его мысль разрезали на цитаты для фальшивых проповедей»*. Культ Ленина, считает Троцкий, привел к «фетишизму власти», о котором не смела мечтать абсолютная монархия.

Фетишизм власти – да, но власти во имя чего? Здесь начинаются разночтения.

«Сталин, – отмечал Авторханов, *– сознательно превратил Мавзолей Ленина в «гроб Господень», чтобы его именем освящать свою будущую инквизицию. Ленин, конечно, хотел, чтобы ученики продолжали его дело, но едва ли он согласился бы на создание нового бога»*.

Но разве можно свести деятельность Сталина только к созданию инквизиции, да, страшной и зловещей, с этим невозможно спорить. Прежде всего, и к этому мы еще вернемся, Сталин превратил образ Ленина в мощнейший компонент идеологии «мобилизационного социализма». Не любя Ленина и страстно ненавидя его сподвижников, Сталин заставил служить это имя как своим личным целям борьбы за власть, так и целям невиданного в истории рывка в развитии страны. Люди, не знавшие Ленина, не читавшие ни одной строчки его работ, верили в него, и эта вера заставляла их претерпевать такие тяготы и страдания, которые вызывают в памяти образы религиозных мучеников.

Это гениально передал **Маяковский:** «Товарищ Ленин/ По фабрикам дымным/ По землям, покрытым и снегом и жнивьем/ Вашим, товарищ, сердцем и именем/ Думаем, дышим, боремся и живем».

Нечаев оказался прав

Вера Ленина, как и всякого великого революционера, вдохновлялась, прежде всего, страстной ненавистью к существовавшему в России строю с его главными столпами – монархической государственностью, православной церковью, официальной идеологией.

Идейные истоки этой ненависти мы находим у идеологов и практиков цареубийства – деятелей «Народной воли». Ленин и не скрывал, что идею тотальной ликвидации всех представителей династии **Романовых** он заимствовал у **Сергея Нечаева**, ставшего своего рода символом идеологии революционного разрушения. Нечаев полагал, что ниспровержение старого мира – чудовищная по тяжести работа; революционеры, ее совершившие, уже не найдут в себе силы строить новый мир – это сделают другие поколения. Судьба Ленина подтвердила это предвидение: революция поглотила его целиком.

Атеистический монархомах

Представление о необходимости убийства «помазанника Божьего» возможно либо в связи с признанием монарха «богоотступником», либо на основе последовательно, бескомпромиссного атеизма.

Так называемые монархомахи (проповедники цареубийства) времен Католической Лиги находили оправдание расправы с королями в том, что **Генрих III** и **Генрих IV** были изменниками делу католической веры, эта идея направляла кинжалы странных безумцев – **Клемана** и **Равальяка**.

Но можно подойти к необходимости расправы с коронованным «тираном» – «оплотом веры» и с другого конца – самому радикально порвать с верой. Именно так поступил Ленин.

Ленин – не просто атеист, он атеист воинствующий; для него разница между различными течениями идеализма и «поповщины» – не больше, чем разница между чертом синим или зеленым. Не только разного рода «богоискателей» и «богостроителей», но и правоверных марксистов, хоть в чем-то уклонившихся от упрощенного философского материализма, Ленин критиковал беспощадно. Самих же представителей «реакционного духовенства» Ленин в годы Гражданской войны предлагал расстреливать под любым предлогом – и чем больше, тем лучше. Это опять же подтверждает мысль о том, что Гражданская война в России – война религиозная.

Махисты, пожалуйте на костер!

Рассорившийся с Лениным на философской почве **Николай Валентинов (Вольский)** описывал забавный эпизод. Называю его забавным потому, что дело происходило в Женеве в 1908 году, и не было еще ни ЧК, ни «философского парохода», на котором достопочтенные мыслители-идеалисты отплыли от берегов России.

А дело было так. Не знаю уж с какого «большого бодуна», но, начитавшись сочинений цюрихского философа **Авенариуса** и венского физика **Маха**, чрезвычайно, надо сказать, сложных для восприятия, Валентинов пришел к роковому и в то же время спасительному (как мы поймем из дальнейшего повествования) для себя выводу, что именно с помощью этих книг ему удастся «крепко подковать» экономическую и социальную теорию марксизма.

С этим чрезвычайно сомнительным с точки зрения правоверного большевика убеждением Валентинов пришел к Плеханову, который хоть и не был «твердым искровцем», но в философских вопросах пользовался у большевиков и самого Ленина безграничным авторитетом. Когда «живой классик» марксизма Плеханов услыхал имена Маха и Авенариуса, его брови и усы поднялись, как вспоминает Валентинов, чуть ли не до половины лба.

– Извлекая из подвалов буржуазной мысли этих птиц, вы хотите с их помощью исправить марксизм? – грозно вопросил он.

– Почему же непременно из подвалов и почему буржуазных? – робко осведомился Валентинов.

– А потому, что всех крупных философов, связанных с марксизмом, я знаю, – безапелляционно заявил Плеханов. *– И ваших птиц среди них нет. Значит, они летают в какой-то низкой атмосфере, которая наверняка и есть атмосфера буржуазной идеологии.*

Тут Валентинов совершил новую глупость: на свою беду он дерзнул предположить, что, вероятно, с философией Авенариуса и Маха у Плеханова не было еще времени ознакомиться. После чего был незамедлительно выставлен за дверь.

В то время Валентинов очень симпатизировал Ленину, отношения у них были прекрасные. Валентинову импонировало, среди прочего, что Ленин – человек организованный, подтянутый, спортивный; богемные меньшевики ему претили.

К Ленину и направился Валентинов жаловаться на Плеханова. И получил от него отповедь столь суровую, что сперва даже опешил. Ленин заявил, что все, что хоть в малейшей степени отклоняется от марксизма, это – «зловонная куча», которую надо обходить стороной, даже не пытаясь в ней копаться.

Все «соединения» Маркса с чуждыми ему по духу теориями – это, по словам Ленина, путь к самому пошлому, самому вонючему либерализму. Надо сказать, что Владимир Ильич любил и ценил крепкое словцо, ругатель он был превосходный, и такие выражения как «идеалистическая падаль» были у него еще самыми благопристойными.

«Социал-демократия, – говорил Ленин, *– не есть семинарий, где сопоставляются разные идеи. Это боевая классовая организация революционного пролетариата. У нее есть программа, мировоззрение, принадлежащий только ей строй идей. В ней на особую свободу критики и сопоставление идей нечего рассчитывать. Кто вошел в партию, должен следовать за ее идеями, их разделять, а не колебать. Если они не нравятся – вот Бог, а вот порог, выход свободен»*.

«Быть правым можно только вместе с партией, а не вне ее», – говорил впоследствии Троцкий. И все же хотел быть правым вне партии.

В условиях буржуазной многопартийности принцип: «вот Бог, а вот порог» не звучит зловеще. Исключили из одной партии – можно перейти в другую, дело житейское. В этом смысле можно, например, не испытывать особого беспокойства за судьбу **Геннадия Николаевича Селезнева**, которому грозит исключение из КПРФ за «правый уклон».

Но в тоталитарной системе, созданной Сталиным, исключение из партии равнялось исключению из жизни. При самом Ленине это было исключение из жизни общественной, при Сталине – из жизни как таковой.

24 декабря 1938 года Валентинов, уже давно будучи в эмиграции, открыл присланный ему свежий номер газеты «Правда».

Газета сообщала: *«Был махистом – и всегда оставался на махистских позициях – будущий лидер правых ставраторов капитализма, враг народа, фашистский шпион Бухарин. Его сообщники по гестапо* ***Рыков*** *и* ***Каменев****, переходившие в лагерь врагов партии во все трудные моменты борьбы, занимали примиренческую позицию по отношению к махизму»*.

Валентинову казалось, что это какой-то сон, наваждение, что он попал в сумасшедший дом. Может быть, он тогда даже обрадовался тому, что так рано разошелся с Лениным. Как знать, не отойди он от философии марксизма, не оказался бы он впоследствии на одной скамье подсудимых с «махистом» Бухариным?

Валентинов полагал, что от книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», осуждавший махизм, шла прямая дорога к «государственной философии», опирающейся на НКВД.

Жестокая истина

Бердяев был гениально прав, когда впервые указал на «тотальность» Ленина. Мировоззрение Ленина – это целостная система, в которой ни один компонент не может быть заменен на другой, без нарушения ее органичности. Разумеется, я не имею в виду «социал-демократизированного» Ленина с его «последними письмами и статьями» – здесь налицо разочарование в былых идеалах, реформизм, конформизм, безволие, возможно, в какой-то степени следствие тяжелой болезни, поразивший могучий мозг. В начале произошло разрушение личности, разрушение системы было следствием. Это его позднее «мировоззрение», по совершенно справедливому замечанию **Пятакова**, было уже «затхлым», полубуржуазным. «Социализм как строй цивилизованных кооператоров», «нэп на целую историческую эпоху» – и ради этого совершать величайшую в мире революцию? К этому еще очень органично «подверстывается» бухаринское вползание в социализм черепашьими темпами.

Ленин времен «бури и натиска» был убежден: марксизм – цельное мировоззрение, которое не допустимо разрушать никакими «вставочками». Учение Маркса всесильно, потому что оно верно! В этом видят проявление ленинской «нетерпимости», ограниченности, отсталости, «элементарности» (Бердяев). Но именно в этом – источник его колоссальной силы.

Задумаемся на секунду. Предположим, уважаемый читатель, что вы – врач, и после долгих раздумий, проб и ошибок, открыли способ лечения рака. Но вместо того, чтобы как можно быстрее внедрить этот способ в массовом порядке, ваши оппоненты предлагают вам отказаться от одних компонентов вашего бесценного открытия и заменить другими, а главное – не спешить с практической реализацией, а еще поговорить, поспорить, послушать разные точки зрения. Как бы вы отнеслись к таким людям? Думаю, вы смотрели бы на них не только как на своих личных оппонентов, но и на врагов всего человечества. Аналогичным образом смотрел на своих оппонентов Ленин. Он был убежден, что знает способ «излечить» человечество от таких тяжелых, застарелых болезней, как войны, эксплуатация, нищета и неравенство. А здесь – какой-то Валентинов с его странными философскими «птицами»...

Всякий человек, полагающий, что он постиг истину, – тоталитарен. И очень жесток к себе, и к другим. Вопрос лишь в том, насколько это истина. И истина ли это вообще?

Трудно сказать, как отнесся бы Ленин к социализму, который построил Сталин. Но вряд ли можно отрицать, что образ Ленина, созданный официальной сталинской пропагандой, стал мощнейшим компонентом мобилизационной идеологии. Той идеологии, что подвигла советский народ на свершения, равным которым не было в истории России.

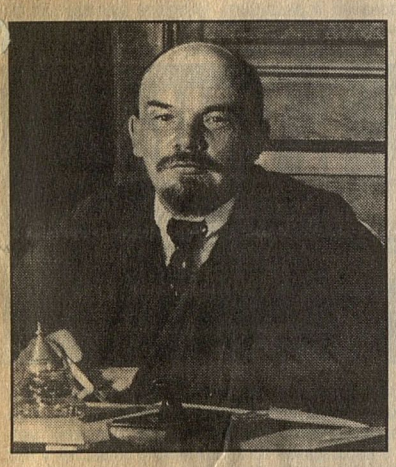
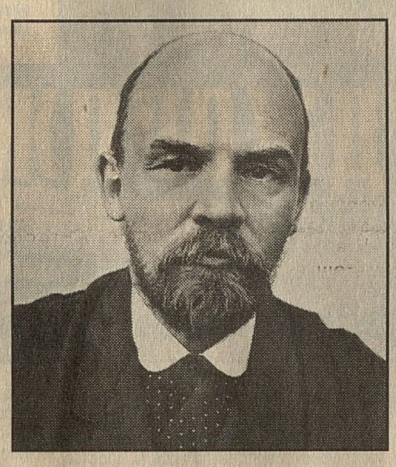
В свое время, когда из Мавзолея был вынесен Сталин, **Евгений Евтушенко** сокрушался:

Мы вынесли из Мавзолея его
Но как из наследников Сталина
Сталина вынести?

Оказалось, что «вынесение» из сознания людей той или иной системы ценностей – ложной или истинной (а кто судья?) – задача, пожалуй, самая сложная. Это относится и к идеям Ленина, которые сегодня, потерпев историческое поражение, остаются фактором духовной

Николай ГУЛЬБИНСКИЙ

ЛЮТЕР НАШЕГО ВРЕМЕНИ

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ОЧЕРК К 132-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.И.ЛЕНИНА

Моск. правда. – 2002. – 20 апр. – с. 3